

**ВРЕМЯ В МОСКОВСКОЙ САГЕ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА:
ПОКОЛЕНИЕ ЗИМЫ**

Irina Lach

*Akademia Pomorska**Słupsk, Polska**irinalach@op.pl*

Ключевые слова: *время, ретроспекция, поколение, зима, история, семья*

Время создания романа-трилогии Василия Аксенова – это время суммирования исторических процессов XX века, время осмысления «правд» и «неправд», время пересмотра исторической действительности после огромных исторических потрясений и событий последней декады века. Роман писался в 1989, 1991 и 1993 годах, и, вероятно, писатель был уже почти уверен, что изображение исторической правды в его понимании и ощущении не будет препятствием для опубликования романа. Как известно, реальное время создания художественного произведения и автор-творец как один из трех субъектов литературного произведения играют решающую роль в самостоятельном существовании произведения.

Современный читатель по-разному осмысливает происходящее в романе. Время восприятия, т.е. конец XX и начало XXI века, хотя тоже сложное, настолько отличается от описанного в романе, что создается впечатление возможности изучения истории как по учебнику. Возможно, старшее поколение в состоянии подтвердить историческую правду романа. *Московская сага* – одно из произведений, написанных В. Аксеновым в эмиграции, и оно убеждает в том, что жизнь родной страны и ее история остаются в центре внимания писателя.

Фабульное время романа Аксенова проследить очень просто – автор постоянно обращается к датировке событий, подчеркивает возраст своих героев, т.е. не позволяет читателю «потеряться» в цепочке происходящих событий.

История семьи Градовых, которую В. Аксенов описывает в трилогии *Московская Сага*, начинается в 1925 году. За пределами романного времени остается все, что происходило прежде, но автор недаром постоянно обращается к ретроспекции – прошлое, не попавшее в поставленные автором временные рамки романа, оказывает не подвергающееся сомнению влияние на судьбы героев, их

действия, поступки, характер и поведение, наконец. Т.е. художественное время романа, являясь преобразованием времени реального, не является линейным.

Поколение зимы разделено на главы, которые соединены в определенные временные отрезки (от 2 до 6 глав), каждый же такой отрезок заканчивается двумя «антрактами». Такая структура романа позволяет автору остановить на какое-то время ход действия и подвести итог показанных событий. Что интересно, каждый первый антракт – *Пресса* – описывает реакцию средств массовой информации на главное событие нескольких глав. Читателю остается только самому решить, насколько объективно отражено все происшедшее. Мифические же существа из каждого второго антракта оказываются непосредственно связанными с теми или иными героями романа и могут играть роль каких-то ночных кошмаров, видений, а иногда пророчеств.

Начиная роман с описывания московских улиц – «транспортная пробка в Москве на восьмом году революции!» [Аксенов 2002: 3]¹ – автор и начинает отсчет времени романа. Время это опирается на конкретное время историческое, первых успехов новой экономической политики после трудных лет военного коммунизма. Приверженность Аксенова к точным датам в самом начале романа дает читателю возможность вспомнить годы изучения истории Советского государства (если этот читатель учился в советских школах), а для читателя-иностранца роман может служить кратким пособием по истории в художественном выражении. Представление героев романа начато с героев второстепенных, а далее постепенно появляются все новые и новые лица. Постепенное изложение повествования дает возможность познакомить читателя с главными героями через призму восприятия Москвы (где в это время развивается действие) иностранцем и профессором Устряловым – эмигрантом, осевшим в Харбине. «Подумать только, еще четыре года назад здесь были глад и мор, блуждали кое-где лишь калики перехожие, да безнадежные очереди стояли за выдачей проросшего картофеля, а по Никольской только чекистские „маруси“ проезжали» (4). Этот фон очень важен, видимость внешних перемен к лучшему еще более подчеркивает трагизм внутренних событий, происходящих в стране.

В сравнении «вчера» – «сегодня», т.е. годы революции и годы НЭПа, очевидным образом выигрывает «сегодня», старые времена прошли: «болезнь позади, Россия стремительно выздоравливает!» (8). И армия, представителями которой являются стоящие на улице возле аптеки молодые офицеры (Никита Градов и Вадим Вуйнович), уже совсем другая – офицеры не только выглядят замечательно в новой форме, но и, по мнению профессора Устрялова, являются теперь профессиональными военными, которым далеко до необученных солдат революции и гражданской войны.

«Розовые очки» на глазах профессора не совсем по вкусу американскому корреспонденту Рестону, ему многоголосие и многоликость московских улиц кажутся искусственными, как в любительском спектакле. И как предупреждение перед дальнейшим восторгом над происходящим, как попытка остудить положительное впечатление появляется «вдруг» – только момент в спокойно

¹ Дальше это произведение цитируется с указанием страниц в тексте.

текущем времени. Вдруг пошел снег, «первый, пока еще легкий и бодрящий, снегопад осени 1925 года» (11).

Первый снегопад на фоне «идиллии» московских улиц – предвестник настоящей «зимы», зимы истории, которая будет продолжаться долгие и долгие годы. Поколение главного героя Никиты Градова – это и есть «поколение зимы», на долю которого выпали наиболее тяжкие испытания в истории государства. Таким образом, в названии первой книги (*Поколение зимы*), как и в последующих двух (*Война и тюрьма*, *Тюрьма и мир*), заключены временные и пространственные аспекты действий и событий романа.

А между тем, автор подчеркивает, что два господина из пролога первой книги (Рестон и Устрялов) уже сослужили свою службу и могут не появиться в пространстве романа, но возможность увидеть главных героев их глазами дает более полную картину восприятия комбрига Градова и комполка Вуйновича. В то же время, следуя своему правилу хронологической точности, Аксенов приступает к описанию истории службы молодых двадцатипятилетних офицеров.

Оказывается, прошлое комдива Градова оставило в его душе незаживающие раны, он постоянно мучается тем, что был одним из «лазутчиков», подавлявших Кронштадтский мятеж. С одной стороны, был убежден в правильности действий правительства – расправиться с восставшими. Но с другой стороны, помнит, как овладевали им двойственные чувства – массовый энтузиазм втягивал его в ликование, которым охвачен был народ в предвкушении свержения «комиссародержавия». Читатель узнает, что семнадцатилетним мальчиком Никита присоединился к отряду Фрунзе и все четыре года до событий в Кронштадте свято верил в дело революции, поэтому и не пошел по стопам отца (известного врача), а стал военным. Все это время он успокаивает свою совесть, стараясь думать, «что именно Кронштадт вывел страну из сыпняка военного коммунизма, повернул ее к нэпу – отогреться» (22). Мучения, бессонные ночи не склонили его, однако, к выходу из армии и поступлению в университет на медицинский факультет, он, двадцатипятилетний, похоже выбрал трудную военную службу на долгие годы.

Кремль как центральное место сосредоточения исторических личностей, выступающих в романе, описан Аксеновым так, что остается никаких сомнений в ироническом отношении писателя тому, как большевики изменили эту крепость. Парадоксы с названиями башен, тайные подземные ходы, закрытие великих соборов Кремля – это не все странности времени большевизма. «жути еще прибавилось, когда главного обитателя после его кончины забальзамировали и вынесли за крепостную стену в хрустальном гробу всем на обозрение» (25). Небольшой экскурс в будущее («что тебя ждет в непредсказуемом мире?») (26) обнажает позицию писателя, которого волнует судьба «сердца» столицы.

Время, к сожалению, беспощадно открывает не совсем привлекательные черты характера основных обитателей Кремля, руководство страной в руках вздорных, нечестных, часто никчемных людей. Все это – исторические личности, которые выступают в романе наряду с главными героями. Один из честнейших рыцарей революции Михаил Фрунзе старательно вынашивал свое детище – военную реформу, однако на совещании в Кремле болезнь дает о себе

знать, он теряет сознание, и с этого момента начинается процесс устранения (и убийства!) человека, искренне желающего сделать Красную Армию мощнее и профессиональнее.

Параллельно с совещанием в Кремле происходит важное событие в семье профессора Градова на даче в Серебряном Бору. В честь сорокапятилетия хозяйки дома Мэри Вахтанговны готовится настоящий пир. Большинство главных героев романа собрано в одном месте и представлено Аксеновым по очереди. Читатель узнает также о давнем или не очень давнем прошлом грузинских родственников семьи, о среднем сыне Градовых историке-марксисте Кирилле, о синеблузнице и поэтессе Нине и ее друге Семене Строило. У них у всех своя судьба, время будет их соединять или разделять, но каждый из них окажется важным для развития действия в романе и каждый будет являться маленьким звеном трудного исторического времени. «Здесь сгущены, сконденсированы наглядно-зримые приметы как исторического времени, так и времени биографического и бытового, и в то же время они теснейшим образом переплетены друг с другом, слиты в единые приметы эпохи. Эпоха становится наглядно-зримой и сюжетно-зримой» [Бахтин 1975: 395-396].

Событие, которое произойдет в эту ночь, можно было бы назвать эпохальным для главы семьи профессора Градова. Всю жизнь будут мучить его угрызения совести за пассивное участие в операции наркома Фрунзе, за минуты, когда охватил его «ошеломляющий» страх. Предельно честный русский врач первый раз поступил своими принципами, не сумев помочь больному, и воспоминания об этом поступке будут терзать его неустанно. Не помогут ни достигнутые им успехи в области медицины, ни стремительно развивающаяся преподавательская карьера, ни удачный и спокойный оазис – дом, где любимая жена пробует его «лечить» Шопеном. Пропуская целый год в повествовании, Аксенов показывает спокойное течение жизни в градовском доме в октябре 1926 года, где каждый занят своим делом. Но в этом видимом спокойствии – постоянное возвращение к прошлому, к трагической осенней ночи 1925 года, когда, казалось, время застыло, обнажая предательство и трусость охваченного ужасом содеянного известного профессора Градова.

Кардинальное различие во взглядах Нины Градовой и ее брата Кирилла, внимательные наблюдения позиции высшего руководства партии по отношению к армии, характерные для Никиты, мещанские взгляды вечно недовольной жизнью в провинции (в Минске!) Вероники – вот чем наполнены страницы, описывающие размеренную и устоявшуюся жизнь семьи профессора Градова. Однако в это описание время от времени врывается неожиданное «вдруг», что показывает, что все не так-то тихо и спокойно в этой жизни и в этом семействе. В Московский городской комитет ВКП(б), где давно уже все было доведено до нормального, приличного уровня, «вдруг явился пролетариат <...> громко окликают друг друга, топают, сморкаются, с подошв сметают ошметки грязи, распространяется запах недомытости и махры» (83); «Красноречивая ухмылка <...> сугубо чекистская, всесильная, наглая и темная» наполняет Кирилла ненавистью – «Он **вдруг** почувствовал, что ненавидит этого человека» (84); Вероника «**вдруг** поняла, что ее больше всего ранит – отсутствие или полное рав-

нодушие мужских взглядов» (86) (проблемы беременной женщины!); неумные слова жены о Варшаве заставляют Никиту вздрогнуть – «Легкомысленная женщина **вдруг** воткнула булавку в сердцевицу тайных стратегических совещаний» (87); и единственное положительное во всей цепочке неожиданных чувств и событий – рождение сына Никиты и Вероники, увиденный вдалеке пустынных ночью Арбатских переулков глобус «как бы **вдруг** взвинтил комдива, он весь встряхнулся и осознал всю эту ночь» (100). В эту внешне спокойную московскую ночь родился тот, кто должен был стать надеждой на продолжение династии врачей Градовых и надеждой на лучшее будущее в стране.

Несмотря на видимое благополучие, семья Градовых постепенно подходит к моменту, когда и в их жизнь начинает проникать опасность: беззаботная Нина с ее оптимизмом и радостью жизни оказывается на прицеле ГПУ (Государственное Политическое Управление). Пройдет еще много времени до момента, когда она узнает истинное лицо своего возлюбленного Семена Стройло, который ради карьеры доносит на своих друзей и свое будущее строит на подлом подхалимаже. Для спасения дочери старший Градов решит отправить ее к родственникам в Грузию, подальше от политических митингов, встреч, разговоров.

В этот же октябрьский день опасность подстерегает и физика Пулково, друга профессора Градова. Описываемая Аксеновым история знаменитого здания на Лубянской площади нагнетает ощущение абсурдности поведения чекистов, которые пришли за профессором Пулково. Напускная вежливость никак не соответствует месту, где, по слухам, издеваются над людьми, форма обращения также не выясняет цели доставки в зловещее место. И только встреча с самим председателем ОГПУ Менжинским выясняет: большевики, оказывается, думают о будущем, конкретнее, об исследованиях атома и создании нового «всесокрушающего» оружия.

Разговор друзей-профессоров о будущем времени, когда возможно будет создание нового оружия – один из немногих примеров, когда писатель позволяет себе выйти за рамки описываемой действительности двадцатых годов и возвратиться к прошлому героев романа. Неожиданный скачок через четверть века нагнетает общую атмосферу произведения, и читатель в тот же момент понимает, что для героев романа жизнь не будет ни спокойной, ни легкой.

Ноябрь 1927 года – знаменательное время для страны: «Десятилетие немислимой власти, перед которой даже шабаши чернорубашечников и речи Муссолини кажутся лишь пьеской комедия дель арте» (129). В своем отношении к событиям в стране, которые он описывает, В. Аксенов абсолютно откровенен; как писали А. Кабаков и Е. Попов [Кабаков, Попов 2011], позиция автора пирается на явную «антисоветчину». Время действия в романе замедляется, думается, целенаправленно с целью отражение величественности праздничных колонн демонстрантов, торжественности участников парада, восторженности иностранных делегаций и уверенности в своем могуществе вождей во главе со Сталиным. Но на фоне этого видимого спокойствия и радости происходят события, которые «взрывают» время, сгущают его, заставляют его ускориться. Первое – это неудавшееся покушение на Сталина, когда только быстрая реакция кавказской охраны вождя сохранила ему жизнь. А другое – попытка сторонников Троцкого организовать свою демонстрацию с призывом свержения

правительства. Эта демонстрация, жестоко подавленная милицией и красноармейцами, оказалась страшным уроком для Нины Градовой, показала ей истинное лицо ее возлюбленного, оказавшегося доносчиком, предателем идей, в которые юная и наивная Нина свято верила. С этого момента она начинает понимать, что у каждого в революции свои цели, что революция не однозначна, что трудно иногда совместить жизнь с идеалистическими представлениями о ней: «роман партийного прохиндея „из народа” с юной троцкисткой из высокопоставленной семьи <...> больше говорит о той советской власти, о том времени, чем любые теоретические построения» [Кабаков, Попов 2011: 371].

Бурные события десятого года революции остались позади, и осенью 1930 года братья Градовы встречаются на вокзале: Никита опять прибыл в Москву из Минска, а Кирилл отправляется в тамбовскую деревню идеологически просвещать население – уговаривать вступать в колхоз. Читатель узнает, что за прошедшие годы братья виделись редко, но по-прежнему в их отношениях чувствовалось отчуждение, возникшее из-за разницы в политических взглядах. Никита видит то, что Кирилл в своем горячем подходе к идеалам революции пока не способен понять: «Как получилось, что мы, армия восставших, так быстро стали армией карателей? <...> Неужели ты думаешь, что народ в восторге от того, что нэп вдруг с бухты-барахты отменили, землю забрали и начали коллективизацию?» (158). Прав ли Никита, Кириллу предстоит убедиться на собственном опыте, но странно-щемящее чувство жалости и тревоги охватывает его сразу же по приезде в забытую богом глухую деревню.

В том же временном пласте – Нина Градова в Тифлисе. Описываемая автором столица Грузии производит впечатление застывшей во времени, невероятно отличающейся от столицы государства и иных промышленных центров. Чтобы усилить впечатление застоя, Аксенов несколько раз подчеркивает эту неизменность, постоянство быта: «как сто лет назад, как и двести лет назад», «так же, как и встарь», «точно так же, как и раньше», «как всегда» (164). Короткий ретроспективный взгляд на события трехлетней давности – читатель узнает, что Нина перед отъездом к родственникам в Тифлис успела выйти замуж, и со временем исчезли с ее лица ссадины и порезы, которые она получила во время демонстрации три года назад. Она спокойна и счастлива в этом грузинском подобию рая, как может быть счастлива молодая двадцатитрехлетняя красавица; она почти забыла о страшных московских событиях и наслаждается жизнью, творчеством и встречами с друзьями-поэтами.

Однако и в далеком от Москвы Тифлисе постепенно начинается время «зимы»: на родину возвращается Ладо Кахабидзе, известный коммунист, честный и неподкупный, верящий в прекрасное будущее республики и ее процветание. Оказывается, не всем по вкусу непоколебимая вера коммуниста старой закалки: щупальца ГПУ потихоньку дотягиваются до ничего не подозревающегося Ладо. Время спокойствия в Грузии заканчивается, начинают действовать чекисты во главе с Лаврентием Берия.

В это же время в заброшенной далекой тамбовской деревне происходит событие, знаменательное для Кирилла Градова и его знакомой лектора Розенблюм. В пекле коллективизации, среди ужаса, крика и воя «социально чуждых элемен-

тов» они спасают мальчишку, кулацкого сына, чудом оставшегося в живых после пожара, охватившего почти всю деревню. Этот мальчик, Митя Сапунов, станет их сыном и будет воспитываться в семье профессора Градова как родной.

Фабульное время следующей главы повествования характеризуется неторопливостью, которая показывает спокойный ритм жизни семьи Градовых осенью тридцатого года. Каждый член семьи занят своим делом: Никита опять вызван в Москву в наркомат обороны, его красавица жена Вероника проводит время на теннисном корте, Мэри Вахтанговна с помощью домработницы Агаши, как всегда, заботливо ухаживает за всеми домочадцами, Кирилл и Цецилия благодаря появлению сразу восьмилетнего сына, наконец, поженились, а Митя с Борисом младшим подружились. И только иногда на фоне почти идиллической картины семейного благополучия появляются полузабытые призраки прошлого, люди, принесшие страдания или разочарования, события, наложившие отпечаток на судьбы и характеры главных героев. Во-первых, Семен Строило, «выдуманый пролетарий» (200), упорно двигающийся вверх по ступенькам армейской карьеры благодаря службе в НКВД; во-вторых, Вадим Вуйнович, вечный поклонник Вероники, исчезнувший с горизонта после смерти Фрунзе и считающийся замешанным в это профессора Градова. Вспомнаны и кавалеры Нины, из-за которых любимый ученик и коллега Бориса Никитича не отважился признаться дочери Градова в любви. Грустью веет от воспоминаний профессора о конце прошлого века, когда профессия врача считалась очень престижной, а «при нынешней власти все привычные престижи подвергаются унижению» (206).

Нина в это же время является свидетелем ужасных событий в Тифлисе, событий, намеки о которых появляются в предыдущих главах книги. То, что хозяин аптеки уже не владелец, а только директор, вместо духана работает столовая Горнарпита, откуда изгоняется шарманщик с попугаем (частный промысел!), еще не самое страшное. Страшнее что-то другое – убран, то есть просто убит неудобный и невыгодный советским властям Ладо Кахабидзе. Время убийства Ладо максимально сконцентрировано, короткие фразы подчеркивают мгновенность и ужас происходящего. «Где-то в глубине дома скрипнула дверь. Послышались быстрые легкие шаги. Они приближались. Дверь кабинета открылась. Кахабидзе поднял голову. Вошедший целился в него из пистолета. Кахабидзе открыл рот и был тут же убит на месте» (212). Как бы противопоставляя скорость действий во время убийства Аксенов растягивает минуты сближения Нины и убийцы (Нугзара), И только мгновение понадобилось ей, чтобы понять, что этот человек убил дядю Ладо. Так началась в Тифлисе новая эпоха.

Да и в Москве начинается разрушение спокойной жизни в Серебряном Бору. Первое потрясение все переживают, когда **вдруг**, во время семейного ужина участковый уполномоченный Слабопетуховский приносит весть о том, что постановили забрать Митю в детприемник. Профессор Градов, мучаясь чувством вины за смерть Фрунзе и проявленную им трусость, **вдруг** радикально меняется, становясь боевым и решительным, понимая, что пришел момент, когда он один может помочь, на него вся надежда, Время ускоряется – несколько минут пробегают быстро: командуя членами семьи, он одновременно набирает номер коммутатора Кремля, жена «прилетает» с его выходным костюмом с орде-

нами, переодевается, не переставая говорить по телефону, и выезжает на встречу с Калининным.

Мальчик спасен, напряжение, охватившее семью, спадает, можно спокойно продолжать жить дальше. Но «зима» за окном, Нина не может прийти в себя, избавиться от пережитого в последние дни и увиденного из поезда по дороге с юга домой. Все ближе к ее жизни, ее семье уже начата эпоха страшных товарных поездов, вагонов-теплушек, «в которых вывозили на восток, на вечное поселение, кулацкие семьи Украины и Кубани» (225).

Прошли годы. В. Аксенов, как всегда, точен в определении времени, к которому относится повествование. Обыденность московской жизни в страшном 1937 году то и дело подчеркивается словом **обычно** («Днем Москва выглядела как **обычно**», «В остальном все шло как бы **обычно**», «Ну, а в основном Москва крутила свои дни, как **обычно**») (233-234), что еще более усиливает иронический взгляд на изменения, происходящие и произошедшие в стране. А изменения эти огромные, и пуск метрополитена, и окончательное прощание с нэпом не самые главные события, изменившие ход истории страны. Самым удручающим и **обычным** оказываются аресты, показательные процессы и расстрелы огромного количества вчера еще добропорядочных граждан. Чувство ужасного звериного страха парализует людей, которые слышат по ночам разъезжающие по городу «черные воронки», стук сапог на лестничных клетках, шум лифтов и следующих за всем этим сдавленных рыданий. Время «зимы» во всей красе...

Нину Градову, как и большинство ее товарищей по перу, втягивает в себя круговорот собраний, осуждающих все новых и новых «врагов народа». Ужасающие призывы с требованием расстрела обвиняемых в предательстве Родины вызывают у Нины чувство глубокой тоски и позора, но, покраснев, она присоединяется к аплодисментам – побеждает чувство самосохранения. После очередного собрания она пробует успокоиться, и «успокаивается» время повествования – медленная прогулка по Москве с любимым мужем по местам, которые еще не удалось изменить и разрушить новым создателям, позволяют ей рефлексивную оценку положения в стране и умозаключение о странном массовом гипнозе. Результатом этих размышлений становится нарочито громкое «здоровствуйте» заклеяменному и уволенному соседу академику, и Градова тут же понимает, что этим она старается компенсировать свою трусость на очередном собрании.

В очередной раз прибегая к ретроспекции, писатель в канву повествования включает описание изменений в личной жизни поэтессы Нины Градовой. За прошедшие годы она вышла замуж за любимого ученика своего отца, врача Савву Китайгородского, родила дочь Леночку и живет теперь не в родном доме в Серебряном Бору, а в квартире Саввы в центре Москвы. Она может быть счастлива простым женским счастьем, но, к сожалению, на ее долю, долю любительницы литературы и всего прекрасного, выпало несчастье принадлежать к «поколению зимы», поколению людей, которых система будет ломать всю их жизнь и беспощадно уничтожать.

Никита Градов служит в это время на Дальнем Востоке, где становится свидетелем прохождения товарного состава с заключенными. Глядя на мед-

ленно проезжающий поезд, комкор еще не подозревает, как мало времени осталось ему функционировать в качестве красного командира, как близок момент, когда и он, вслед на главкомом Блюхером, окажется «врагом народа». Но В. Аксенов подготавливает читателя к такому ходу действий, описывая ненастную осеннюю погоду и позволяя Градову воспоминание стихов любимого поэта: «Была непогода, бесконечно струился неторопливый дождь, в лужах плавали пузыри, не предвещая на ближайшее время ничего хорошего, „Все сегодня наденут пальто, И заденут за поросли капель, И из них не заметит никто, Что опять я ненастьями запил” – бормотал Никита стихи своего любимого полузапрещенного поэта» (241-242).

Его жена Вероника и в Хабаровске продолжает наслаждаться благами жизни, окруженная, как всегда, поклонниками, красавица комкорша держит себя в идеальной спортивной форме (играет в теннис), обустривает огромную по тем временам квартиру, ходит на премьеры в театр и на концерты. Она даже позволяет себе иногда помечтать о лучших временах, когда сможет увидеть дальние страны и познакомиться, например, с каким-нибудь американцем. Мечты волей автора окажутся пророческими, читатель убедится в этом, знакомясь со следующими книгами романа-трилогии. Но Веронике, живущей в 1937, не дано знать, сколько ей придется пройти и испытать в своей жизни. Встречая важного гостя, друга юности Никиты и ее тихого обожателя, Вероника и не представляет себе, что в последний раз наслаждается обществом двух прекрасных мужчин, в последний раз может позволить себе беззаботное кокетство. На следующий день после серьезного разговора с Вадимом Вуйновичем о положении в армии, арестах и расстрелах преданных стране командиров Никиту арестовывают, ставя в вину сотрудничество с уже бывшим маршалом Блюхером. Беспощадная рука карателей дотянулась до семьи Градовых, красный командир Никита Градов попадает в страшную «мясорубку» первым.

Две недели после ареста мужа наполнены для Вероники огромным количеством суетных дел, но она проводит это время как бы в оцепенении и отупении. Дни тянутся, как липкая паршивая паутина, комкорша оказывается в пустоте, которая вдруг образовалась вокруг нее и детей. Наиболее оскорбительными и безучастными кажутся ей работники НКВД, куда она пошла за справками о муже. Нет сомнения, облик бывшего пролетариата в изображении В. Аксенова совсем не внушает доверия, и как же эти люди отличаются от настоящих рыцарей революции покроя Никиты: «В приемной сидели какие-то жуткие жирные сержанты с мыльными мордами скопцов. Мимо проходили, стуча сапожищами, жопастые бесполое бабы в гимнастерках с ремнями <...> Она сидела в приемной злодеев, под портретом премудрого Ленина, напротив портрета Дзержинского с его светлой улыбкой садиста <...> Наконец спустился по лодейской лестнице со злодейских вершин голубоглазый злодей» (258-259).

Только в Москве, только в Серебряном Бору, в любимом доме Вероника надеется найти успокоение. Воспоминание о прошлом, когда старший Градов, используя свои кремлевские связи, спас Митю от детского дома, дает ей и всей семье надежду на то, что иногда случаются ошибки, которые можно исправить, и арест Никиты – это ошибка. Спокойный вечер, крошечная точка време-

ни в беспокойном мире беспокойного 1937 года, вдруг кончается серьезными разногласиями с Цилей, все еще верящей в справедливость идеологии партии. Но через несколько дней ее вера проходит испытание: арестован ее муж Кирилл.

Две параллельные линии повествования (приметы времени!), светлая и темная, представляют картину жизни этих ужасных дней. С одной стороны, хорошеющая столица, новостройки, развитие киноискусства, подвиги героических летчиков, веселые маршевые песни, а с другой, замазывание в учебниках портретов вчерашних героев, ночные «воронки», вздрагивание от шума лифта ночью и бесконечная череда собраний, осуждающих вчерашних коллег, товарищей, мужей, близких и дальних родственников. Цецилия Розенблюм показала себя с самой лучшей стороны – рискуя не только своей карьерой, но, может быть, и жизнью, она пробует защищать честное имя своего мужа. Сестра же Кирилла и Никиты Нина пробует отделить эти два разных мира, светлый и темный, не позволить им соприкоснуться, слиться в одну черную полосу жизни. «То ли страх это странное правило диктовал, то ли подспудная надежда, что в один прекрасный день весь этот кошмар должен кончиться» (276).

Время, проведенное в Лефортовской тюрьме, станет для братьев Никиты и Кирилла самым большим кошмаром в их жизни. У тюремного времени свой трагический ритм: допросы, пытки, день-два передышки, а для Никиты без перерыва каждый день, и все опять идет по укатанному кругу (дни, недели, месяцы). Абсурдные обвинения в шпионаже, вредительстве, троцкизме дезориентируют посаженных в переполненные камеры людей, доводят их до состояния, когда расстрел кажется избавлением. Пытки пытками, но комкора время от времени мучает мысль о прошлом – не предал ли его лучший друг Вуйнович, с которым перед самым арестом они говорили, по сути дела, о восстании. Философия расплаты за прошлое, за трусость, за гипноз революции не дает Никите покоя, жестокость настоящего в какой-то мере, по мнению Никиты, оправдывает ошибки прошлого. Камерная солидарность позволяет ему все еще оставаться в живых, заботой о красном командире охвачены все обитатели камеры, создавшие своеобразный подбадривающий коллектив.

Силой писательского воображения соседом Никиты по камере оказываются не только профессора и политработники, но и известный питерский интеллигент и коллекционер джаза. Аксенов, как большой любитель и поклонник этого вида искусства, не замедлил показать, какое успокоение может принести музыка, пусть даже исполненная шепотом в душном и замкнутом пространстве тюремной камеры. Читателю, однако, не дано узнать, джаз или политика были причиной ареста питерца, который «так и пропадет навсегда и бесследно в каторжной слизи России, в испепеляющей стыни» (286). Рефлексия же писателя совершенно очевидно совпадает с точкой зрения Никиты Градова: «С одной стороны, в ужас приходишь от того, как они очищают страну от всего человечески ценного, а с другой стороны, есть все-таки и повод для гордости, все-таки делишь свою судьбу с такого сорта людьми, а не с мразью» (285).

Тот же тюремный ритм жизни и у мерзавца Семена Савельевича Стройло, стоящего по другой стороне баррикады, получившего повышение по службе (он уже старший следователь на Лубянке) и наводящего ужас на всех «врагов»

революции. Он тоже должен прийти в себя после допросов: продумать, как еще более изощренно «выбивать» признания из заключенных или, к примеру, проконтролировать подготовку новых производственных помещений – расстрельного блока. Комполка Вуйнович, для которого допросы, избиения и издевательства стали таким же повседневным ритуалом, как и для Никиты, тоже находится в застенках и тоже мучается мыслью, не предал ли его друг юности. Майор Строило вспоминает, где и когда он видел Вадима (в двадцатые годы на даче у Градовых), что приводит его в еще большую ярость во время допроса Вуйновича. Так прошлое опять «аукается» в настоящем и не дает никому покоя – ни палачам, ни их жертвам.

Время идет вперед, и жизнь в Серебряном Бору неумолимо движется вперед, несмотря на то, что двое из трех детей профессора Градова в тюрьме. На фоне прекрасного бабьего лета, чудесного осеннего праздника природы два старых увядающих человека (Борис Никитич и его друг Пулково) выглядят грустно и тоскливо. Откровенные разговоры, которые они ведут между собой, все о том же: кто еще арестован, что происходит с обществом, каким образом страх смог изменить людей. Понимание того, что происходит «что-то чудовищное», не в состоянии ничего изменить. Никто не застрахован от внезапного ареста, «они выдергивают людей наугад, без системы. Предугадать ничего невозможно, это просто как рой шальных пуль» (298). Однако автор трилогии дает надежду на то, что доктора Градова не тронут, врачи нужны всем и всегда (и именно поэтому писатель В. Аксенов, по совету матери-каторжницы Е. Гинзбург, закончил медицинский институт). Но профессор и в этом не уверен, ведь в течение последнего времени наступление на врачей началась в открытую.

Светлое пятно в разговоре друзей – прошлое атомщика Пулково. Его наука не только дает ему какую-то странную гарантию защищенности, но и позволяет выезжать за рубеж, где у него есть любимая женщина и результат их короткой и бурной связи – сын. Стареющий профессор через несколько дней выезжает в Кембридж с надеждой на встречу, о которой он, как сообщает читателю как всегда точный Аксенов, и мечтать не смел двенадцать долгих лет. В разговоре с другом Пулково предвидит будущее советского государства: он указывает на проблему загрязнения природы, а самое важное – это то, что СССР станет ядерной державой.

А пока до будущего далеко, время тишины, грустного спокойствия и оцепенения царит в доме Градовых, где постепенно привыкают жить в уменьшенном составе, забывая о себе, но ежечасно думая о тех, кто в тюрьме. Мэри, хранительница очага, постарела лет на десять, Цецилия сильно опустилась, Вероника постоянно отправляется на Лубянку навести справки о муже, а в мальчиках, Борисе IV и Мите рождается чувство ненависти к чекистам, забравшим их отцов. Они еще верят в справедливость и в гений великого Сталина, надеются, что все встанет на свои места, и обманутый своими пособниками вождь вернет их отцов.

Не суждено долго длиться спокойствию в старом доме, черный воронок подъезжает и к их воротам. Два-три часа, которые чекисты проводят на обыске в этом доме, оказываются истинным кошмаром для его обитателей. Страшным

и абсолютно неожиданным приказом об аресте Вероники поражены все: готовый к своему аресту профессор и его жена, разбуженные и ошеломленные шумом дети, домработница Агаша и ее тихий обожатель Слабопетуховский, который прибыл в качестве понятого и «весь обыск <...> молча просидел в углу, словно истукан с островов Пасхи» (314). Такой удар – катастрофа для семьи, развал, рождающий горе и уныние в оставшихся членах когда-то большой и дружной семьи, но маленьким лучиком надежды звучат слова прощающейся с семьей Вероники: «Вокруг не только звери, есть и люди» (317).

Дальнейшее повествование романа не развивается слишком быстро, не бежит вперед, а потихоньку продвигается – оцепенение, охватившее дом в Серебряном Бору, переносится на темп действия. Убитая событиями страшной бессонной ночи Мэри в состоянии, близком к обморочному, медленно «дотряслась» трамваем до центра города, приехав к Нине и Савве посоветоваться. Ее идея поехать на родину в Грузию, чтобы через родственников найти доступ к Сталину (вера в справедливость или отчаяние?), кажется Савве абсурдной, для него это «точно напрашиваться в родственники огнедышащему дракону. Он никогда прежде не думал о Сталине как о грузине, вообще как о homo sapiens» (325). Но Нина поддерживает мать, думая, что там, на задворках советской империи, люди еще проявляют человечность.

Прошлая прекрасная жизнь в Тифлисе вспоминается Мэри, пока она находится в пути. Ретроспективное описание жизни в Грузии более десяти лет назад показывают грузинскую столицу как центр артистической жизни, процветание богемы, отсутствие голода и мора, а самое главное – трехлетней свободы Грузинской республики. Но в 1921 году «свалилась» Красная Армия, свободе пришел конец, Мэри с дочкой вернулась в Москву и на долгие годы забыла «серебряный век» своей жизни.

Даже в самых страшных снах не могла Мэри Вахтанговна Градова, урожденная Гудиашвили, представить себе, что ждет ее в родных местах после многих лет отсутствия. Постепенность действия меняется по мере приближения Градовой к дому аптекаря Гудиашвили, вместе с учащающимся ритмом сердца Мэри время начинает стремительно ускорять темп, чтобы вдруг остановиться в моменте, когда она, панически перепуганная, не обнаруживает родственников в знакомом с детства доме. Почти теряя сознания, она поковыляла от дома и упала бы, если бы не поспешил на помощь сосед, который взял ее крепко под руки, поспешным шепотом предупреждая об опасности.

В это же время дослужившийся до подполковника Нугзар Ломадзе «мучается»: трудно вести следствие и допросы собственного дяди, но чего только не сделаешь для спасения своей жизни и собственного благополучия. Второй раз в жизни (насколько известно читателю) он совершает убийство, оправдывая себя раздражительностью, нервами, зависимостью от Берии. Если еще что-то человеческое осталось в этом вместилище зла, то это сладостное чувство обожания кузины Нины Градовой. Это чувство, собственно говоря, спасло Нину от ареста, так как ее кузин, надеясь на беспорядок в документах, просто забросил ее дело на дно отдаваемого в архив ящика.

По иронии судьбы год 1937, такой страшный для многих членов градовской семьи, для семьи Китайгородских можно назвать счастливым. Савва –

молодой профессор, его жена сотрудничает с журналами и пишет статьи и стихи, дочке Леночке уже третий год, живут они в отдельной квартире, а это по тем временам значит, что принадлежат к небольшому числу счастливиц. Они стараются подходить со спокойствием и с определенной долей юмора к ночным арестам «всего сегодня взято четверо <...> Хороший улов» (323), но где-то там глубоко внутри спрятано чувство тоски и беспокойства. Это беспокойство вызвано и событиями в семье, и таинственными исчезновениями сослуживцев, и, конечно, ночными визитами чекистов в огромном доме, где слышно, с какого этажа забирают очередную жертву.

В градовском доме в ожидание следующей жертвы время остановилось в оцепенении, как будто лишние движения могли ускорить события. Следующим мог быть каждый – Циля, Бо (как жена называла профессора Бориса Никитовича) или Нина. К тому же, Мэри Вахтанговна не была уверена в том, что внуков «злодеи» оставят в покое, не отправят в детский дом. Тишина, царившая в доме, напоминала тишину перед грозой, только не известно было, когда эта гроза может прийти. Гроза пришла не с той стороны, с которой можно было ее ожидать: **вдруг** (как всегда у Аксенова) в клиническом кабинете доктора Градова зазвонил телефон, и восторженный голос сообщил, что Бориса Никитовича выдвинули в депутаты Верховного Совета. Шок, который испытал профессор, сменился яростью: «Страна идиотов! Детей бросают в тюрьму, отца выбирают в Верховный Совет!» (352) Такой оборот событий устраивает и хоть немного успокаивает его жену и домработницу Агашу, которые надеются, что еще на какое-то время катастрофа – угроза ареста Градова – отодвигается.

Сессия Верховного Совета в Большом Кремлевском дворце становится для профессора моментом истины, испытанием его совести и порядочности. Он соглашается быть представленным Сталину, хотя прекрасно знает его как пациента. На нескольких страницах романа автор представляет недавнее прошлое – историю знакомства Градова с вождем в ситуации, когда Сталину была срочно нужна врачебная помощь. Эти страницы наполнены ядом и острым сарказмом, в них отчетливо прослеживается личное отношение писателя к вождю всех народов. Старый исконный русский врач оказывается выше и целомудреннее вождя, не унижается перед ним и не просит помощи в освобождении сыновей, позволяя себе думать об этом человеке как о грязном тиране.

Тиран не щадит и своих земляков, руками сталинского пособника Берии в Грузии проводятся страшные аресты среди интеллигенции. Приехавший в Москву старый друг Нины художник Сандро Певзнер рассказывает о волне доносов, арестов, расстрелов в Тбилиси, где каждый день исчезают их знакомые и друзья. Ужасные времена пришли в маленькую и спокойную страну, «уничтожается жизнь не только взятых, но и оставшихся на свободе, прошлое начинает зиять огромными кубами пустоты» (356). Сандро, как человек искусства, будучи далек от истории, политики и философии, не может понять, что происходит. Савва Китайгородский выработал свою теорию на тему истории России, которая заключается в волнах возмездия: время одного возмездия (Февральская революция) кончается и сразу же наступает время следующего (Октябрь и Гражданская война), затем коллективизация и раскулачивание и, наконец, чистки конца тридцатых, времени, в котором живут герои *Поколения зимы*.

Что ждет героев первой книги дальше, предугадать невозможно, но, по мнению Саввы, наверняка можно ожидать еще несколько волн, пока не кончится весь цикл «ложных устремлений». Что это будет, он пока не знает, теория не доработана до конца. Зато американский журналист Рестон, который появлялся в самом начале повествования и завершает его, предугадывает то, о чем не смеют даже думать многие граждане СССР: «тут все уже закручено туго. Напрасно большевиков иной раз ругают „красными фашистами“, они гораздо круче итальянских опереточных злодеев. Скорее уж Муссолини можно было бы назвать под горячую руку „черным большевиком“. У Иосифа же только один ровня в мире – Адольф. Двадцатый век цветет двумя формами восхитительного социализма – классовой и расистской» (359).

Что касается хронологии событий, то последняя глава первой книги романа представляет события, совершающиеся за несколько дней до Нового года, года тысяча девятьсот тридцать восьмого. А это значит еще три года страшного издевательства над народом, уничтожения армейского командования, расстрелов замечательных ученых, ссылки в лагеря партийного состава старых коммунистов, чистки среди врачей, учителей, рабочих, и так до бесконечности. Что-то должно было остановить эту «мясорубку», но цена этого будет огромная. Через три года начнется новый виток истории.

Библиография

- Аксенов В., 2002, *Московская сага. Поколение зимы*, Москва.
Бахтин М.М., 1975, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва.
Кабаков А., Попов Е. 2011, *Аксенов*, Москва.

Summary

Time in *Moscow Saga* by Wasilij Aksionow: *Generation of Winter*

This article is devoted to the problem of art time in the first of three books *Moscow Saga* by W. Aksionow. The book is titled *Generation of Winter*. The research material presents the art time in the novel which is based on historical events and actions starting from 1925 till the latest 1930s. The conducted analysis showed that horror in the policy of the country destroyed people's confidence and awareness of existence leading to all-absorbing fear of unknown future.

Key words: *time, retrospective, generation, winter, history, family*